

***

Говори со мною, говори
Языком зимы и откровений,
Высотой церковных песнопений,
Скрипом отворяемой двери.

Говори со мною обо всём
И любовью покрывай печали.
Пропадут губительные чары,
Озарённые живым огнём.

Говори со мною, наизусть
Пастернака позднего читая.
Я от восхищения растаю,
Обернусь водою и прольюсь.

Говори, пока ещё под стать.
Свяжет вечность голоса и звуки.
Души на небесном виадуке
Тихо созерцают и молчат.

***

тонет в твоём стакане
вчерашний день
ужин завёрнут в газету
на скорый лад
сколько ещё отстоять
тебе душных смен
сколько ещё рубить
с плеча невпопад
дома тоска грусть заела
как шубу моль
мог ли подумать
что так тяжело терять
крутишь сигарку
дрожащей своей рукой
и по звонку
возвращаешься в личный ад

***

Родилась бы на полвека пораньше —
Звали бы меня Октябриной,
И с дрожащими коленками в марше
Революционного гимна
Сгнула б
Флажком на отлёте,
Красным, как террор по России.
Весело, свободно живёте,
Подчинившись страху и силе?
Родилась сегодня и — вижу —
Нет царя, нет гимна, Советов...
И на теле Родины грыжей
Всё, на что наложено вето.

***

— Не ходи, — говорит, — в Африку погулять —
Там за пазухой нужен не камень, а автомат,
Там слова твои поглотит большой песок.
Не ходи, — говорит, —
наполнишь свой туесок
Чужеземным наречием,
крокодиловой злой слезой.
Утро плёнкой засвеченной,
вычурной бирюзой
Ослепит, заслонив обратный
знакомый путь.
Под алжирскими звёздами
проще всего тонуть,
Вняв гортанному, древнему, сочному языку.

Не ходи, – говорит, – иначе не сберегу.

Оборвётся последний сломанный телефон,
В шоколадных калошах

сандаловый старый слон

В пыль затопчет куцую трын-траву.

Не ходи туда, откуда не позову.

Где Шелиффа воды, белые от жары,

Примут с радостью северные дары,

Обласкают руки и щиколотки твои,

Замолчишь, покуда сердце не закровит,

Не забьётся нельмой

о килиманджарский лёд.

Не влезай, – Господь говорит, – убьёт.